

Г. В. ГЛИНСКИХ (Горький)

ЗАМЕТКИ ПО ЭТИМОЛОГИИ МАНСИЙСКИХ ТОПОНИМОВ

Мансийская топонимия представляет значительный интерес как в силу общих задач развития топониматики, так и в связи с необходимостью более углубленного изучения мансийского языка и его истории. Свидетельством этого служит появление ряда публикаций по мансийской топонимии, включение мансийских географических названий в словари, одним из которых стала книга А. К. Матвеева «Географические названия Урала» (Матвеев 1980, далее — М). В связи с тем, что ряд мансийских топонимов словаря спорен и вызвал некоторые возражения (см., напр., Ромбандеева 1981, далее — Р), есть смысл остановиться на спорных этимологиях подробнее.

Вагиль. По мнению Е. И. Ромбандеевой, «от манс. *wāyral* 'сильный, с силой'» (Р 147). Если принять данную интерпретацию, то название восходит к одному из диалектов северного наречия мансийского языка — верхнелозьвинскому или сосьвинскому, ср. тавд. (Янычково и Чандыри) *βεβ*, н.-конд. *βṛṛ*, с.-конд. *βṛṛ*, в.-конд. *βṛṛ*, с.-ваг. *βṛṛ*, н.-лозьв. *βṛṛ*, в.-лозьв. *βṛṛ*, сосьв. *βṛṛ* (Kannisto 1919 : 16). Между тем р. Вагиль протекает по территории западномансийских диалектов. В структурном отношении этимология аргументирована недостаточно. Е. И. Ромбандеева использует для объяснения форму творительного (инструментального) падежа, который в мансийской топонимии не представлен. Не характерна для мансийской топонимии и семантика названия: значение 'сила, сильный' не засвидетельствовано ни в живой мансийской гидронимии (см., в частности, Глинских, Матвеев 1975), ни в субстратной (Kannisto 1927; Глинских 1972). Данное значение не подтверждается и свойствами реалии: *Вагиль* — равнинная река, протекающая по болотистой местности, поэтому 'сильной' быть не может. А. К. Матвеев считает название трудным для объяснения и относит его к числу гидронимов неизвестной принадлежности (М 51).

Варган. А. К. Матвеев приводит две возможные интерпретации — от манс. *агыр* 'водоворот, омут' и от коми *варгыны* 'бурлить, клокотать' (М 52). Как кажется, он склоняется в пользу второго решения, предполагая исходную форму *Варган*, засвидетельствованную одной из грамот 1663 года. По-видимому, на данном этапе исследования можно признать вероятными оба объяснения. Е. И. Ромбандеева предлагает иную интерпретацию — «от манс. *worṛan* 'блестящая, сверкающая'» (Р 148). Этому объяснению противоречит вокализм названия: топоним зафиксирован уже в XVII в., и в речи представителей русских окружающих говоров, бытовавших в тех местах (Матвеев 1959 : 11), гласный *о* первого слога не мог быть отражен как *а*. Этимология уязвима и в семантическом отношении: в мансийской гидронимии значение 'блестящая, сверкающая' не встречается (Глинских, Матвеев 1975).

Висим. Как полагает Е. И. Ромбандеева, «весьма вероятно, что топоним *Висим* происходит от *wisiŋ(jā)* 'болотистая травянистая местность с живой водой', т. е. (река) имеющая *wis* (фонетический вариант *wis̄*)» (Р 148). Следует, однако, подчеркнуть (и А. К. Матвеев на это указывает), что в употреблении манси название звучит *wišum* (см., в частности, Глинских, Матвеев 1975 : 13), поэтому чтобы доказать реальность первоначального *wisiŋ(jā)*, необходимо проследить его трансформацию на мансийской почве в совр. *wišum*, что связано с большими трудностями. Кроме того, топоним *wišum* манси использовали для обозначения по крайней мере двух рек — правого притока р. Лозьвы (совр. рус. *Ушма*) и правого притока р. Северной Сосьвы (рус. *Висим*). Если предполагать начальное *wisiŋ(jā)*, появление в русском употреблении формы *Ушма* необъяснимо. Название по-прежнему остается загадочным.

Воленаторское, Волим. Компонент *-тор-* в первом топониме Е. И. Ромбандеева вслед за А. К. Матвеевым (М 65) толкует как 'озеро' (Р 148). Однако при объяснении первой части обоих топонимов (*Волен-*, *Волим*) она отказывается от сопоставления с манс. *wōlən* 'плесовый, с плесом', предлагая *wōl̄ŋ/vōl̄ŋ* 'наклонный, косой, кривой' (Р 148). Заметим, что озеро имеет почти правильную овальную форму (2 км в длину, 1 км в ширину), поэтому косым или кривым быть не может. Что касается значения 'наклонный', трудно представить, какое из свойств озера весьма оно может отражать. Следует подчеркнуть также, что *wōl̄* 'плес' весьма активно в мансийской топонимии (см. ниже *Волья*), и нет основания отвергать его при объяснении топонимов мансийского происхождения.

Волья. А. К. Матвеев переводит 'Плесовая река' (*воль* 'плес', *я* 'река') (М 67). Е. И. Ромбандеева утверждает: «*Волья* от манс. *wōl̄i* 'наклонная, косая'» (Р 147), с чем трудно согласиться. Прежде всего следует отметить, что географический термин *воль* 'плес; глубокая яма в реке' широко представлен в мансийской топонимии, причем встречается и в качестве детерминатива, где перевод 'наклонная, косая' попросту невозможен, ср. *Пант-хасволь* 'Ровный мелкий плес', *Сат-сорунхайтум-хас-воль* 'Мелкий плес, где бежали семь лосей', *Юсуй-питинг-воль* 'Плес с орлиным гнездом' и др. (Глинских, Матвеев 1975 : 32, 39, 54). А. Каннисто топоним *Волья* тоже толкует как 'Плесовая река' (Kannisto 1927 : 82).

Ёмки. Загадочный топоним, который не удается пока сколько-нибудь убедительно интерпретировать. А. К. Матвеев предполагает, что *-ки* может восходить к древнему ф.-у. *ki* 'камень'. Значение первой части слова неясно (М 89). Е. И. Ромбандеева пытается объяснить название «от манс. *jōtki* 'шагание', т. е. по ней можно ходить» (Р 148). Этимология неубедительна как в формальном, так и в семантическом отношении. Прежде всего заметим, что от глагола *jōt-* 'идти шагом' существительное со значением 'шагание, хождение' в мансийском языке образуется с помощью суффикса *-il*: *jōmil* (Ромбандеева 1973 : 71). Суффикс *-ki* используется для образования т. н. лично-усилительных местоимений (Ромбандеева 1973 : 101). В обратном словаре мансийского языка (Veenker 1971) помещено 16 слов с исходом *-ki*, из них 6 существительных. Два из них являются русскими заимствованиями — *koŋki* и *šaški*. Вряд ли происхождение остальных можно связать с глагольными основами: *āki* 'дед; дядя', *saki* 'веревка невода', *sāŋki* 'утка-черныдь', *piki* 'живот' (Баландин, Вахрушева 1958 : 15, 97, 99, 88). Таким образом, считать *Ёмки* дериватом от глагола *jōt-* нет достаточных оснований ввиду отсутствия соответствующей словообразовательной мо-

дели. Следует добавить, что значение 'шагание' для названия горного хребта по меньшей мере искусственно.

Ивдель. Е. И. Ромбандеева считает, что «Ивдель от манс. *iwtāl*, *jiwtāl* 'безлесная'», утверждая: «Деревня Ивдель находилась, в отличие от других, на более открытой местности. По этому характерному признаку и дано название Ивтал, в русской адаптации Ивдель» (Р 147). Таким образом, согласно ее объяснению, река названа по поселению. Следует отметить, однако, что в современном мансийском языке река называется Ивдель, а поселение — *Санса* (реже *Санса-ус*) (Глинских, Матвеев 1975 : 15, 38). Исходя из этимологии Е. И. Ромбандеевой, придется предположить, что манси, назвав реку по поселению, само поселение переименовали. Кроме того, если принять эту этимологию, останется необъясненной форма *Иувль-я*, приведенная Г. Ф. Миллером в качестве названия этой реки еще в XVIII веке (Миллер 1787 : 222). Значительно большей объяснительной способностью обладает этимология А. К. Матвеева, который предполагает исходную форму *Иувль-я* 'Река с деревьями; Лесная' (М 99), что полностью соответствует и характеру реалии, в том числе и в месте, где стоит поселение: город Ивдель со всех сторон окружает горная тайга. По мнению А. К. Матвеева, сочетание *-де-* в Ивдель может оказаться вставным (М 99—100). Добавим, что *-де-* могло развиваться из глайда в сочетании *-вл'* при переходе от губно-губного *ш* к *л'*, который в мансийском языке является среднеязычным (Ромбандеева 1973 : 32). Тем не менее, как справедливо считает А. К. Матвеев, и это объяснение недостаточно убедительно, поэтому необходимы дальнейшие разыскания.

Колва. Используется для обозначения нескольких рек в Пермской области и Коми АССР. Предлагаемая Е. И. Ромбандеевой этимология «от манс. *kol* 'дом', *jā* 'река', т. е. река, где имеется дом» (Р 148) несомнительна в силу географических факторов: обозначаемые реалии находятся далеко от территории расселения манси. Кроме того, в таком случае весьма странно, что могла произойти совершенно одинаковая переработка названий в столь удаленных друг от друга местах, как бассейны камской Вишеры и Усы (М 136). По-видимому, более надежно обращение к данным пермских языков (М 136—137).

Курьи. Географический термин *курья* 'залив реки, затон, заводь' имеет широкую зону распространения (Словарь русских народных говоров 1980 : 151—152). Слово было занесено на Урал и далее на восток русскими, которые заимствовали его у коми (Фасмер 1967 : 431) или из какого-то вымершего финно-угорского языка (Матвеев 1959 : 27). Термин часто встречается в составе русских топонимов и поэтому несомненно, что именно он лег в основу названия (М 153). Этимология Е. И. Ромбандеевой «от манс. *kuryi* 'гремит, гремющий'» (Р 148) неприемлема как по семантике (для названия села значение 'гремит' по крайней мере требует пояснений), так и в структурном отношении: глаголы в форме 3 л. ед. ч. настоящего времени в мансийской топонимии не употребляются (Витушкина 1971; Глинских, Матвеев 1975).

Лозьва. Манси называют реку *Лусум*. А. К. Матвеев приводит имеющиеся этимологии как для *Лозьва* («из коми-пермяцких слов *лӧз* 'синий, голубой' и *ва* 'вода', т. е. *Лӧзва* — 'Синяя вода' или 'Голубая вода'»), так и для *Лусум* («мансийское *лус* 'небольшое травянистое озерко среди болота, болотистый луг', *-ум* — словообразовательный суффикс прилагательных») (М 158—159). Оба объяснения он не считает бесспорными, что имеет под собой веские основания. Значение 'синяя (или голубая) вода' в краю горных рек является слишком общим и не дифференцирует реалию. Вряд ли верна и мансийская версия, так как при помощи суффикса *-ум* в мансийском языке прилагательные

образуются обычно от глаголов, а не от имен (Ромбандеева 1973 : 88; ср. там же 72). А. К. Матвеев высказывает предположение о домансийском происхождении названия. Е. И. Ромбандеева дает свою интерпретацию топонима *Лозьва*: «от манс. *Лōс я̄* или *Лūs я̄*, или *Лōс вит* 'болотистая река, болотистая вода'». По ее мнению, «из манс. *lūs jā, lūs wit* через коми перевод могло получиться *Лоз ва*» (Р 148). Но реконструировать мансийскую форму нет необходимости: манси называют реку *Лусум* (Ромбандеева 1965 : 48; Глинских, Матвеев 1975 : 21), и нет оснований считать, что они называли ее как-то иначе, ср. название мансийской деревни в верховьях Лозьвы *Lūsm-taləx-paul* (Munkácsi-Kálmán 1963 : 59), *lūš.sm.taləx pāβl* (Kápnisto 1963 : 269). Топоним *Лозьва* по-прежнему остается загадочным, а существующие объяснения недостаточно удовлетворительны.

Мунигтумп. Толкование А. К. Матвеева — 'Гора со скалами-останцами' (М 177—178) неоднократно подтверждено информантами-манси в ходе опроса сотрудниками Севернорусской топонимической экспедиции (Картотека мансийской лексики и топонимии, хранящаяся на кафедре русского языка и общего языкознания Уральского государственного университета; Глинских, Матвеев 1975). Слово *tūñi* широко известно в верхнедозьвинском и верхнесосьвинском говорах мансийского языка со значением 'выветрившаяся скала (камень)-останец' (Глинских, Матвеев 1975 : 27, 61). Считая, что *Муниг-* 'яйцеобразно голый, гладкий' (Р 148), Е. И. Ромбандеева, очевидно, связывает его с манс. *муңи* 'яйцо'. Этот перевод опровергается и характером реалии: поверхность горы похожа скорее на средневековый замок, а с формой и поверхностью яйца не имеет ничего общего.

Нёройка. Слово *ñōr* в мансийском языке прилагается обычно к большим горным хребтам, не покрытым лесом. Этим же словом обозначается вся горная страна — Урал (Глинских, Матвеев 1975 : 62; Чернецов, Чернецова 1936 : 85). Е. И. Ромбандеева указывает 'большая гора' (Р 148), что несколько неточно. Что же касается соответствия манс. *ñōr* и рус. *Камень*, то следует пояснить, что русские издавна называли Уральский хребет Камнем. Неудивительно поэтому, что во многих русских названиях, входящих к мансийским, на месте манс. *ñōr* 'каменный хребет; Урал' находим *Камень*, например, манс. *jalpəŋ-ñōr* букв. 'священный каменный хребет' и рус. *Молебный Камень* (М 173). Ср. также многочисленные обозначения горных объектов в русской оронимии Урала, включающие термин 'камень': *Конжаковский Камень*, *Константинов Камень*, *Муравьиный Камень*, *Старик-камень* и др. (М 139, 178, 232 и др.). Вторая часть анализируемого топонима связана с манс. *ōjka*, которое в топонимии выступает в значениях 'старик, хозяин, мужчина' (Глинских, Матвеев 1975 : 62). Е. И. Ромбандеева переводит 'Мужчина горы' (Р 148), что вряд ли удачно. Более понятны и точнее передают значение мансийского оригинала 'Старик Урал' или 'Хребет Старик'.

Няксимволь. Мансийская форма названия — *ñaxšamwōl*. А. К. Матвеев предполагает две возможные интерпретации. Объяснение из манс. *ñāxšam* 'жабры', *wōl* 'плес' удовлетворяет во многих отношениях, однако семантика нетипична для мансийской топонимии, в связи с чем А. К. Матвеев склонен усматривать здесь народную этимологию. Учитывая, что первоначально поселок *Няксимволь* хотели построить в устье р. *ñapʷś*, он считает возможной реконструкцию **ñapʷśsamwōl*, где *sām* 'угол, край, местность', т. е. 'Плес у (реки) *ñapʷś*'. Из **ñapʷśsamwōl* после упрощения группы согласных на стыке первых

двух основ могла возникнуть форма *ńaɣʷsamwōl, а затем совр. *ńāχ-samwōl* (М 188—189). Е. И. Ромбандеева выступает по существу в поддержку первой интерпретации, подкрепляя ее существенным замечанием о том, что *ńāχsam* 'жабры' — прозвище прославившейся в тех местах женщины (Р 148). Принимая во внимание объяснение Е. И. Ромбандеевой, нельзя исключить, однако, что в данном случае все же имеет место народная этимология, поэтому соображения А. К. Матвеева о возможной связи рассматриваемого топонима с названием р. *ńaɣʷs* сохраняют свою силу.

Ошеньер. Манси называют этот хребет *Ось-нёр*, где *Ось-* — элидированная форма от *осься* 'узкий', т. е. 'Узкий хребет' или 'Узкий Урал' (Глинских, Матвеев 1975 : 31, 62). А. К. Матвеев приводит это объяснение, обоснованно предполагая искажение в ходе русской адаптации или, скорее, западномансийское происхождение названия (см. Глинских, Матвеев 1976): рус. *Оше-* не может прямо восходить к манс. *oś*, используемой носителями мансийского языка для данного топонима в настоящее время. Попытка Е. И. Ромбандеевой сопоставить название непосредственно с манс. сев. *ośša* 'узкая', *ńōr* 'гора' (Р 148) в силу высказанных соображений страдает неточностью.

Пелым. Е. И. Ромбандеева вслед за А. К. Матвеевым считает невозможным сопоставление с манс. *pōlam*, однако, в отличие от А. К. Матвеева, воздерживающегося от объяснения (М 200—201), считает, что название является отглагольным образованием от манс. (сев. ? — Г. Г.) *полгуцкве* (*pōlɣəŋkwe*) 'журчать; быстро, невнятно говорить'. Топоним переводится 'слабо журчащая' (Р 148). Этимология неудачна в семантическом отношении: для столь крупной реки значение 'слабо журчащая' вряд ли возможно. Немаловажно и то, что названий с подобной семантикой в мансийской топонимии нет.

Понил. А. К. Матвеев упоминает название как этимологически неясное (М 51, 100). Этимология Е. И. Ромбандеевой «от манс. *ponāl* 'крапива'» (Р 147) вызывает сомнения по фонетическим соображениям: твердый *n* мансийского слова в этой позиции не может быть передан русским мягким *н'*. Ненадежна и семантика: значение 'крапива' в мансийской топонимии не встречается (Глинских 1972; Глинских, Матвеев 1975). Название остается неясным.

Пышма. По А. К. Матвееву, название убедительной этимологии не имеет (М 210—211). Ненадежно и объяснение Е. И. Ромбандеевой, которая полагает, что «*Пышма*, возможно, от манс. *pos* (более древний вариант *poš*, *pīš*) 'мокрый, влажный', *tā* 'место, земля'» (Р 148). В мансийской гидронимии *tā* в качестве детерминатива не употребляется. Есть сомнения и в реальности реконструированной формы *pīš* для манс. сев. *pos*, поскольку сев. *ō* не может соответствовать *ī* ни в прамансийском языке, ни в диалектах (Kannisto 1919; Steinitz 1955; Основы 1976).

Сосьва. Этимология топонима на основе мансийских данных («от манс. *Сōсья* или *Сōс вит* 'мутная река, мутная вода'; *sōs* 'чага', *jā* 'река'» — Р 148) не учитывает, что в мансийском употреблении данное название неизвестно. Северную Сосьву манси называют *Тагт*, а Южную — *Ось-тагт* (т. е. 'Узкий Тагт') (Глинских, Матвеев 1975 : 31, 44). Вызывает возражения семантика исходного апеллятива: *sōs* 'чага, гриб, нарост на березе'. Признак настолько специфичный, что невероятно, чтобы он мог быть использован в названиях сразу двух таких крупных рек. Допущена натяжка и при переводе: из *sōs* 'чага' значение 'мутный' отнюдь не вытекает. Этимология А. К. Матвеева (из коми *сос* 'рукав', *ва* 'вода' — М 231) хорошо увязывается с семантикой мансий-

ского названия обеих рек (подтверждая сопоставление топонима *Тагт* с манс. сев. *тайт* 'рукав', см. ниже *Тавда*) и объясняет тот факт, что двум одинаковым названиям (*Тагт*) в мансийском языке соответствуют два одинаковых названия (*Сосьва*) в коми и русском языках. Следует присоединиться к предположению А. К. Матвеева о том, что название коми является калькой мансийского (М 231).

Тавда. Название этой крупной реки Северного Урала Е. И. Ромбандеева пытается объяснить с помощью обнаруженного ею в южно-мансийском диалекте *towit* 'ответвление, ветка', которое, как она отмечает, имело более архаичный вариант *towta* или *tayta* (Р 147). Предлагаемая этимология не может считаться удовлетворительной, поскольку не объясняет вариантов названия в мансийском языке, ср. *Тагт*, *Таут*, *Тавт*, *Тыут*, *Тэут* (М 239—240). Исходя из вокализма первого слога вариантов названия, следует искать этимон, в котором гласный восходил бы к праманс. *ē. В мансийских диалектах праманс. *ē имел соответствия: тавд. (Янычково и Чандыри) -*ā*, тавд. (д. Городок), а также все западные и восточные диалекты (кроме н.-конд.) -*ē*, сев. -*ā* (Steinitz 1955 : 186—187). Необходимо учесть и отмечаемое В. Штейницем для западных и южных говоров мансийского языка чередование *ē ~ *ā: ср. пел. *kēl* 'береза' ~ *kāljuw* 'березовые дрова' (Steinitz 1955 : 193), н.-лозв. *lēl* ~ *lajl* 'нога' (Steinitz 1955 : 196), с.-вар. (д. Заозерная) *mēt* 'печень' ~ *majtət* (plur.) (Steinitz 1955 : 196).

Следует заметить, что *Тагт*, *Таут*, *Тавт*, *Тыут*, *Тэут* не могут быть связаны с переработкой в ходе русской адаптации, поскольку они засвидетельствованы не в русском, а в мансийском употреблении. Наличие их в мансийском языке находит свое объяснение. Возможность начального *ta-* (*Тагт*, *Таут*, *Тавт*) подтверждается как наличием чередования *ē ~ *ā в западных и южных мансийских диалектах (о чем уже упоминалось), так и судьбой праманс. *ē в северном и отчасти восточном наречии мансийского языка, где *ē отражен как сев. *ā* или н.-конд. *ā* (Steinitz 1955 : 186—187). Особого рассмотрения требуют варианты *tī-* (*Тыут*) и *te-* (*Тэут*). Отражение праманс. *ē как *i* связано, вероятно, с восточными говорами. Соответствие праманс. *ē прахнт. *i и схожая судьба этих звуков в обоих языках (Steinitz 1955 : 189), несомненно, способствовали появлению в контактных зонах на месте исконного манс. *ē звука *i*. В *te-* (*Тэут*) наличие *э* на месте *ē* связано с деэтимологизацией названия и э-образным характером звука *ē*, на что указывает реализация праманс. *ē как *e* после *χ* и *j* в западных и южных мансийских диалектах, а также отражение его как *э* в некоторых топонимах, заимствованных русскими у западных и южных манси, ср. два варианта названия *Кыпша* ~ *Кэпша*, первая часть которого восходит к пел. *kēp* 'лодка' (см. также Глинских 1978 : 128, 139). Рассмотрим варианты исхода названия: *-gt*, *-wt* (ср. *Тавда*), *-ut*, *-it*. *-wt*, *-ut* могут быть представлены как чередующиеся ввиду акустической близости *ω* и *u* в мансийском языке. Свидетельством этого, в частности, может быть отражение манс. *ω* как рус. *у* во многих мансийских субстратных топонимах (Глинских 1976 : 16). Таким образом, предполагаемые мансийские формы исхода топонима могут быть *-γt* (взрывной *g* в мансийском языке отсутствует), *-wt/ut*, *-it*. За исходный вариант следует принять *-γt*, на базе которого легко объясняются *-wt/ut*, *-it*. Формы с *-wt/ut* объясняются чередованиями, имевшими место в мансийском языке, где *γ* имел крайне неустойчивый характер (Steinitz 1955 : 259;

см. также Глинских 1976 : 17). Появление *-it* также связано с неустойчивостью манс. *ɣ*. Не случайно на современных топографических картах *ɣ* нередко отражается как *ы*: ср. в соответствии с манс. сев. *Тагт* 'Северная Сосьва' ~ *Тайтваттаянкалма* 'Болото на берегу Северной Сосьвы' (Буоно 1969 : 187). Ср. также манс. *agtam*, *aitam* 'верить' (Ahlqvist 1891 : 1), *jeg*, *jei* 'отец' (Ahlqvist 1891 : 8) и др. Наконец, *ɣ* в мансийском языке очень часто чередуется с *j* (Чернецов 1937 : 166), ср., например, в-лозьв. *sāɣɣp* ~ *sājɣp* 'топор' (Глинских 1976 : 17).

Если подытожить предыдущие рассуждения, можно реконструировать этимон **teɣt*. Эта форма обладает хорошей объяснительной способностью для всех имеющихся вариантов. В современном северном наречии мансийского языка ей закономерно соответствует *tāyt*, что полностью совпадает с названием Северной Сосьвы. Важно отметить, что Южную Сосьву, продолжением которой в сущности является *Тавда*, манси называют *ostāyt*, т. е. 'Узкий Тагт' (Глинских, Матвеев 1975 : 31). В западных и южных диалектах, с учетом чередований, вполне реальными представляются **teɣt*, **tejt*, **tewt*, **teut*, **tejt*, а также **tayt*, **tajt*, **tawt*, **taut*, **tajt* и **tept*, **tejt*, **tewt*, **teut*, **tejt*.

Учитывая сказанное, можно со значительной долей уверенности сопоставить топоним *Тавда* с манс. сев. *tayt* 'рукав'. На возможность такого сопоставления указывает А. К. Матвеев (М 231). Гласный в *tayt* восходит к праманс. **ǣ* (Steinitz 1955 : 196). Слово зафиксировано в следующих диалектных вариантах: тавд. (Янычково) *tajə-t*, (Чандыри) *tajt*, конд. *tət*, с.-лозьв. *tət*, сосьв. *tājat* (Steinitz 1955 : 196). Сюда же надо добавить и засвидетельствованные А. Алквистом *tajt*, *tjet*, *tjt*, *tel* (Ahlqvist 1891 : 56). (Небезынтересно, что для названия *Тавда* А. Алквист приводит *Tajt*, *Taut*). Таким образом, есть основания полагать, что топоним *Тавда* в конечном счете восходит к древнеманс. **teɣt*, сопоставимой с совр. манс. *tājt* 'рукав'. (См. также *Сосьва*).

Тагил. Е. И. Ромбандеева утверждает, что «*Тагил* происходит от манс. *tayil* 'ответвление реки'» (Р 147), отвергая тем самым тюркскую версию А. К. Матвеева (М 243). Однако на основании приведенного ею примера *ja fittij tayili* 'река разветвляется надвое' (Р 147) *tayil* следует квалифицировать как глагольную основу. Топоним, равный глагольной основе, не осложненной аффиксами, в мансийском языке невозможен (Витушкина 1971 : 59; Глинских, Матвеев 1975).

Тондол. А. К. Матвеев название не объясняет. Этимология «от манс. *tōntəl* 'жидкий, осадочный ил'» (Р 147) весьма заманчива. К сожалению, Е. И. Ромбандеева не указывает место фиксации исходного апеллятива и его диалектную принадлежность, что могло бы помочь определить более точно возможность использования его в данном названии.

Тошемка. А. К. Матвеев объясняет «из западномансийского *тошам* (северномансийское *тосам*) 'сухой', сначала, видимо, *Тосамъя* или *Тошамъя* (я 'река'), то есть 'Сухая река'» (М 248—249). По существу такое же объяснение дает и Е. И. Ромбандеева: «*Тошемка* от древнеманс. **tōšem* 'сухой'» (Р 148). Вместе с тем в этом объяснении содержится некоторая неточность. Дело в том, что в прамансийском вокализме долгий гласный **ō* отсутствовал (Kannisto 1919; Steinitz 1955; Основы 1976). Что касается безударного гласного, то он в мансийском языке подвержен варьированию (Ромбандеева 1966 : 345). Реконструированная форма нуждается в более определенной аргументации.

Чердынъ. Этимология Е. И. Ромбандеевой «от манс. *šertāŋ*, *šortāŋ*

'шумящая, гремящая, порожистая река» (Р 148) в формальном отношении не вызывает возражений. Стоит напомнить, однако, что в данном случае речь идет не о реке, а о поселении, которое стоит на реке *Колве*. Кроме того, *Чердынь* известно с XV в. как поселение коми-пермяков (М 281), и поэтому объяснение названия на базе мансийского языка не имеет под собой достаточных оснований.

Урал. Версия о мансийском происхождении названия, выдвинутая М. Ковальским, а позднее возрожденная венгерскими учеными, была подвергнута резкой критике (подробнее см. Никонов 1966 : 437). Поддерживая эту гипотезу, Е. И. Ромбандеева не приводит новых аргументов.

Шайтан. Вопреки утверждению Е. И. Ромбандеевой, *шайтан* не может рассматриваться как калькированный перевод манс. *jalpəŋ* 'священный' (Р 149), поскольку не является буквальным переводом. Во многих случаях топонимы такого рода действительно связаны с религиозными местами манси, однако, это отнюдь не обязательно (М 290).

Сокращения названий диалектов мансийского языка

в.-конд. — верхнекондинский, **в.-лозьв.** — верхнелозьвинский, **конд.** — кондинский, **н.-конд.** — нижнекондинский, **н.-лозьв.** — нижнелозьвинский, **пел.** — пельмский, **с.-вал.** — северновалигский, **с.-конд.** — среднекондинский, **сосьв.** — сосьвинский.

ЛИТЕРАТУРА

- Баладин А. Н., Вахрушева М. П. 1958, Мансийско-русский словарь, Ленинград.
- Витушкина Л. А. 1971, Глагольные конструкции в мансийской топонимике. — Вопросы тономастики № 5, Свердловск.
- Буоно Г. П. 1969, Адаптация мансийских топонимов русским языком. — Ономастика Поволжья, Ульяновск.
- Глинских Г. В. 1972, К интерпретации семантических соответствий в разноязычной по происхождению топонимике одной территории. — Вопросы ономастики № 6, Свердловск.
- 1976, Русская адаптация мансийских субстратных топонимов в бассейне р. Тавды. — Русская ономастика и ее взаимодействие с апеллятивной лексикой (Вопросы ономастики № 11), Свердловск.
- 1978, Мансийские субстратные топонимы в русских говорах по р. Тавде. — Этимология русских диалектных слов, Свердловск.
- Глинских Г. В., Матвеев А. К. 1975, Материалы по мансийской топонимике I. — Вопросы ономастики № 10, Свердловск.
- 1976, О некоторых фонетических и лексических особенностях мансийской топонимии Северного Урала. — Происхождение аборигенов Сибири и их языков. Материалы Всесоюзной конференции 3—5 июня, Томск.
- Матвеев А. К. 1959, Финно-угорские заимствования в русских говорах Северного Урала. — Ученые записки Уральского университета № 32, Свердловск.
- 1980, Географические названия Урала, Свердловск.
- Миллер Г. Ф. 1787, Описание Сибирского царства и всех происшедших в нем дел от начала, а особливо от покорения его Российской державе по сии времена; соч. Г. Ф. Миллером, историографом и профессором Ун-та Акад. наук. Кн. I, 2-м тиснением, Санктпетербург.
- Никонов В. А. 1966, Краткий топонимический словарь, Москва.
- Основы финно-угорского языкознания. Марийский, пермские и угорские языки, 1976, Москва.
- Ромбандеева Е. И. 1965, Некоторые этимологии мансийских топонимов. — Вопросы финно-угорского языкознания, вып. 3, Москва.
- 1966, Мансийский язык. — Языки народов СССР. Т. 3. Финно-угорские и самодийские языки, Москва.
- 1973, Мансийский (вогульский) язык, Москва.
- 1981 (Рец.): А. К. Матвеев, Географические названия Урала, Свердловск, 1980. — СФУ XVIII, 147—149.
- Словарь русских народных говоров, под ред. Ф. П. Филина, вып. 16, Ленинград 1980.
- Фасмер М. 1967, Этимологический словарь русского языка. Т. 2, Москва.
- Чернецов В. Н. 1937, Мансийский язык. — Языки и письменность народов Севера, ч. I, Ленинград.

- Чернецов В. Н., Чернецова И. Я. 1936, Краткий мансийско-русский словарь, Москва—Ленинград.
- Ahlqvist, A. 1891, Wogulisches wörterverzeichnis. — MSFOu II, Helsingissä.
- Kannisto, A. 1919, Zur Geschichte des Vokalismus der ersten Silbe im Wogulischen vom qualitativen Standpunkt, Helsinki.
- 1927, Über die früheren wohngebiete der wogulen im lichte der ortsnamenforschung. — FUF XVIII.
- 1963, Wogulische Volksdichtung VI, Helsinki (MSFOu 134).
- Munkácsi, B., Kálmán, B. 1963, Manysi (vogul) népköltési gyűjtemény IV, 2, Budapest.
- Steinitz, W. 1955, Geschichte des wogulischen Vokalismus, Berlin.
- Veenker, W. 1971, Rückläufiges Wörterbuch der vogulischen Schriftsprache, Wiesbaden.

G. V. GLINSKICH (Gorkij)

NOTES ON THE ETYMOLOGY OF MANSI PLACE-NAMES

A number of Mansi place-name etymologies offered by A. K. Matvejev are disputed by J. I. Rombandejeva. In this article the author discusses the interpretations and finds those by A. K. Matvejev more convincing.